

Александр Житинский

Agnus Dei

Александр Николаевич Житинский
Agnus Dei
Серия «6. Кинопроза и либретто»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171071

Содержание

Эпизод 1.	5
Эпизод 2.	9
Эпизод 3.	10
Эпизод 4.	12
Эпизод 5.	13
Эпизод 6.	15
Эпизод 7.	17
Эпизод 8.	20
Эпизод 9.	21
Эпизод 10.	23
Эпизод 11.	24
Эпизод 12.	25
Эпизод 13.	26
Эпизод 14.	27
Эпизод 15.	28
Эпизод 16.	30
Эпизод 17.	31
Эпизод 18.	32
Эпизод 19.	33
Эпизод 20.	36
Эпизод 21.	38
Эпизод 22.	41
Эпизод 23.	42

Эпизод 24.	44
Эпизод 25.	46
Эпизод 26.	47
Эпизод 27.	48
Эпизод 28.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Житинский

Agnus Dei

Киносценарий

Эпизод 1.

Фронтальная дорога. Декабрь. День.

Падает снег. Обожженные деревья печально возвышаются над сугробами.

Крупные снежинки плавно опускаются в воронки от снарядов.

У обочины дороги лежит труп немецкого солдата.

Пробитая осколком каска сползла набок, рядом лежит карабин.

По дороге с песней шагает рота солдат. Строй прошел и открыл в кадре легковую машину. У машины стоят и курят майор госбезопасности Вахтанг Лежава в штатском и лейтенант военной разведки Алексей Губин в военной форме.

Слышатся голоса за кадром:

Первый голос.

Рота, стой!

Второй голос.

Пусть пройдут еще раз. Но теперь лицом к нам.

Первый голос.

Рота, кругом! С песней шагом марш!

Солдаты вновь начинают движение.

Лежава.

Иваницкий, поехали!

На дорогу со снежной целины с трудом выбирается писатель Иваницкий.

Ему лет пятьдесят. Он снимает валенок и вытряхивает из него снег.

Иваницкий.

(солдатам, громко).

Тверже шаг! Выше головы! Вы идете побеждать!

Оператор.

(кричит за кадром).

Иваницкий! Свинья! Убирайся! Испортил мне кадр!

Иваницкий падает в снег. Солдаты смеются.

Оператор стоит в кузове машины и крутит ручку камеры.

Ассистент и шофер дымят папиросами.

Проходят последние солдаты и, желая посмешить друзей,

Иваницкий быстро ползет через дорогу по-пластунски. Майор с лейтенантом смеются и аплодируют.

Лежава.

Артист!

Иваницкий.

(встает).

«Если актером овладевает жажда рукоплесканий, он пересаливает». Это не я – это Дидро... Друга встретил. Очень хороший фронтовой оператор.

(Кричит оператору).

Будешь в городе – заходи на чай! Только со своим сахаром!

Оператор.

Съемка окончена, спасибо!

Ассистент и шофер спрыгивают с машины и бегут к воронке.

Солдаты строятся в походный порядок.

Проваливаясь по пояс в снег, ассистент и шофер несут немецкого солдата.

Каска солдата надета на голове шофера, карабин несет ассистент.

Ассистент.

А Штюбе стал полегче... Чувствуешь?

Шофер.

Подмерз. Да и не кормят.

Эпизод 2.

Салон автомобиля. Декабрь. День.

Губин ведет машину, рассказывает. Сзади сидят Лежава и Иваницкий.

Губин.

...и вот подвели Буденного к танку...

Маршал его осмотрел и спрашивает: «А где же тут лошадь запрягать?»

Иваницкий.

Ты, Алексей, допрыгаешься со своим языком.

Губин.

Это же народный юмор!

Лежава.

(зевая).

Десятка – вот и весь юмор...

Эпизод 3.

Деревня Синево. Декабрь. День.

«Эмка» въезжает в деревню.

Дым над тремя-четырьмя трубами указывает на то, что жители здесь есть.

Автомобиль останавливается на центральной площади деревни.

Писатель выходит из «эмки».

Иваницкий.

Мне уже нравится. Исконная Россия, мать-родина...

А вон и сортир. Вахтанг, сколько тебе потребуется времени?

Лежава.

Полчаса.

Машина трогается, едет по улице деревни, останавливается у избы.

Лежава всходит на крыльцо избы, стучит в дверь.

Губин остается у машины.

Лязгает засов, в приоткрытой двери показывается лицо молодой женщины.

Лежава.

(строго).

Председатель сельсовета Иван Фомич Чалый здесь живет?

Женщина.

Здесь, здесь...

(Оглядывается, зовет). Ваня!..

Лежава решительно входит в избу.

Лежава.

Мне поговорить. Конфиденциально.

Женщина.

Как?

Лежава.

Без свидетелей.

Женщина.

Поняла. Сейчас, поняла.

Быстро сдергивает с гвоздя телогрейку, сбегает с крыльца.

Эпизод 4.

Изба председателя. Декабрь. День.

В горнице за столом сидит хозяин, председатель сельсовета Иван Фомич Чалый, и вырезает ножом из чурки деревянную ложку.

Лежава молча протягивает ему удостоверение.

Чалый.

(читает).

«Лежава Вахтанг Самсонович, майор»...

Я так понимаю – с вещами на выход, гражданин майор?

Лежава.

Неправильно понимаешь, председатель.

Чалый.

Тогда садитесь...

Лежава садится, шляпу кладет на стол.

Лежава.

Иван Фомич, речь пойдет о важнейшей операции. Государственного значения!

Эпизод 5.

Деревня Синево. Декабрь. День.

Жена Чалого Нина несмело подходит к машине.

Нина.

Откуда же будете?

(Вдруг расплывается в улыбке). Леша... ты что же – не узнаешь?

Губин.

(с интересом).

М-мм...

Нина.

В августе приезжал к нам... Или забыл? Разведывал местность...

Губин.

А-а, Нина! И вправду, не узнал... Да, это было летом.

Нина.

Пошли, я тебя молочком напою... Пошли, пошли...

Тянет его за собой по направлению по направлению к скотному двору.

Нина.

Коровенка еще жива... С чем пожаловали? Надолго?

Алексей нехотя идет за ней.

Эпизод 6.

Деревня Синево. Декабрь. День.

Иваницкий подходит к забору, заглядывает во двор.

Иваницкий.

Эй, есть кто-нибудь?

Скрипит дверь. На крыльце, жмурясь от зимнего солнца, появляется старуха.

Иваницкий.

Бабушка, здравствуйте. Как живется?

Старуха.

(подозрительно).

А вы кто будете?

Иваницкий.

(весело).

А мы писатели. Пишем, бабушка, все пишем.

Старуха.

Контора пишет, а касса деньги выдает! *(Хлопает дверью).*

Иваницкий.

(кричит вслед).

У меня удостоверение!

(Читает). «Иваницкий Георгий Иванович. Спецкорр».

Вас звать-то как?

Старуха.

(высовывается на мгновение).

Марфа Семеновна!

Иваницкий.

(поднимает глаза к небу, с выражением).

«И старуха Марфа Семеновна, сыновья которой сейчас воюют, подошла к героине, дала ей лапотки и тихо сказала: „Держись, дочка...“

Слабо. Мало фактуры!

(Достает блокнот, записывает). Марфа Семеновна – значит, Марфа Семеновна.

Эпизод 7.

Изба председателя. Декабрь. День.

Продолжается разговор Лежавы с хозяином.

Чалый.

Ну, положим, деревню немцам сдадут, хотя с чего бы ее сдавать?

Линия фронта уже месяц ни на метр не двинулась...

Лежава.

Сдадут деревню, сдадут, я тебе говорю. Ты мне не веришь?

Чалый.

Верю. Вам – верю... Ну, мне прямая дорога в партизаны.

Лежава.

Не-ет! Ты останешься здесь, я же сказал.

Чалый.

Чтобы немцы меня повесили?

Лежава.

(теряя терпение).

Останешься в деревне и будешь старостой!

Чалый.

(изумленно).

Кто ж меня старостой сделает? Председателя сельсовета,

большевика? Немцы?

Лежава.

Из партии мы тебя исключим.

Чалый.

За что?! Я верой и правдой...

Лежава.

(хлопает по столу ладонью).

Все! Приказы не обсуждают. Это тебе партийное задание.

Будешь старостой, подберешь себе кого-нибудь в полицаи... Есть кандидатуры?

Чалый.

(хмуро).

Найдутся...

Лежава.

(подозрительно).

А почему органы о них не знают?

Чалый.

(хитровато).

Что же я вам сразу всю контру выдам? Я понемножку выдаю.

Лейтенант приезжал, я ему пятерых сдал. Остальных на следующий раз оставил.

На развод. Какой же хозяин всех телят зараз режет?

Лежава.

(с улыбкой).

Хитрый ты мужик, Иван Фомич.

Чалый.

Расчетливый... А какой мне расчет с вашей операции, товарищ майор?

Положим, сделают меня немцы старостой, а потом наши придут – и шлепнут.

Не они, так вы.

Лежава.

Слово органов, с вами ничего не случится.

Чалый.

Органам как не верить... Но на всякие органы другие органы найдутся...

Лежава.

Что такое говоришь? У нас одни органы!

Эпизод 8.

Сарай в деревне Синево. Декабрь. День.

В полутемном хлеву блестит глазом тощая коровенка.
Нина наливает из горшка молока в кружку.

Губин.

(пьет).

Спасибо...

Нина.

(легонько толкает его боком).

Ты чего-то сегодня несмелый...

Губин.

С начальством...

Нина.

У начальства свои дела, у нас – свои... Или забыл уже?

Она обнимет Алексея. Губин целует ее. Мычит корова.

Губин.

Ну тогда быстро! По-военному! *(Стаскивает с нее телогрейку)*

Нина.

Вот так бы давно!

Эпизод 9.

Деревня Синево. Декабрь. День.

К избе Чалого стекаются жители деревни, подгоняемые Губиным.

Среди крестьян идет Иваницкий.

Губин.

Граждане колхозники, небольшой сход у председателя!
Живее, граждане!

Голоса крестьян.

В ополчение, что ль, гражданин начальник?..

Мужей уж почти всех забрали...

Губин.

Живей, живей! Сейчас все скажут!

На крыльце стоят Лежава и Чалый. За ними выглядывает из сеней Нина.

Лежава дождался, пока все соберутся, начинает речь.

Лежава.

Товарищи колхозники! Враг близко, но, как сказал товарищ Сталин, победа будет за нами!

И мы не потерпим пораженческих настроений в нашей

среде!

Железной метлой мы выметем предательский сор из наших домов!

Мы располагаем информацией, что гражданин Чалый, бывший коммунист и председатель, сеет панические слухи...

(Оборачивается к Чалому). Органы с тобой разберутся, Чалый, а пока...

Вот от меня лично!

С этими словами Лежава внезапно бьет Чалого кулаком по лицу.

Иваницкий.

(в толпе).

Вот это по-нашему! По рабоче-крестьянски!

Лежава сходит с крыльца, садится в машину, хлопает дверцей. Машина уезжает.

Чалый.

(утирает лицо).

За что, граждане? За что?

Эпизод 10.

Улица блокадного Ленинграда. Декабрь. День.

Горит дом. Из распахнутого роскошного венецианского окна выбрасывают на снег мебель и книги.

Небольшая толпа внизу ожидает добычи. Каждый забирает столько, сколько может унести – сломанный стул, две-три книги, дверцу от шкафчика – и, прижав драгоценное топливо, удаляется по промерзшей улице.

Эпизод 11.

Улица Ленинграда. День.

Женщина везет на санях старуху. Санки останавливаются посреди улицы.

У женщины кончились силы. Остановилась и машина. Лежава, Губин и Иваницкий смотрят на женщин, а женщины смотрят на них.

Эпизод 12.

Двор разведшколы. День.

„Эмка“, уже без пассажиров, подъезжает к железным воротам, сигналиит.

Выходит часовой. Губин показывает ему пропуск.

Губин.

Хозяин здесь?

Часовой.

Здесь.

„Эмка“ заезжает во двор, останавливается перед зданием.

Губин выскакивает из машины, скрывается в здании.

Эпизод 13.

Коридор разведшколы. День.

Губин спешит по коридору. Приоткрывает дверь в класс, глядит в щель.

Эпизод 14.

Класс разведшколы. День.

В классе происходит выпуск курсантов. Перед строем в две шеренги по шесть человек стоит начальство: майор Макухин, два преподавателя-лейтенанта и начальник военной разведки фронта полковник Николай Евгеньевич Соболев.

Макухин.

Товарищи курсанты! Свидетельства об окончании разведшколы вам вручит начальник военной разведки фронта полковник Соболев.

Соболев.

Курсант Фатеев!

Фатеев.

(выходит из строя)

Я!

Соболев.

Поздравляю вас, товарищ курсант.

Фатеев.

Служу Советскому Союзу!

Эпизод 15.

Коридор разведшколы. День.

Губин ждет в коридоре.

Открывается дверь класса, оттуда выходит Соболев. За ним остальные офицеры.

Губин.

(отдает честь)

Здравия желаю, товари полковник!

Соболев.

Привет, Алексей. Свезил?

Губин.

Так точно.

Соболев.

(оборачивается к офицерам).

До свидания, товарищи!

Офицеры.

До свидания, товарищ полковник!

Они идут по коридору к выходу.

Соболев.

И что они там делали?

Губин.

Ваш дядька гулял по деревне. А тот, что в шляпе, с председателем разговаривал. Один на один. Сорок минут.

Эпизод 16.

Двор разведшколы. День.

Они выходят во двор, идут к машине.

Соболев.

(озабоченно).

Чего это органы там копают? Не понимаю.

Губин.

А он что, из органов? В шляпе-то?

Соболев.

Майор.

Губин.

(обиженно).

Предупреждать надо, товарищ полковник.

Я им анекдоты про Буденного и Ворошилова травил.

Соболев.

Ну и дурак.

Садится в машину, захлопывает дверцу.

Эпизод 17.

Коридор в управлении министерства госбезопасности. День.

Соболев и Иваницкий проходят по коридору.

Иваницкий.

Николя, ты напрасно. Он свой парень. Мы с ним на ты. И тебе советую. Он все же майор, а ты полковник.

Соболев.

Георгий, ты же понимаешь. Майор здесь – это генерал у нас.

Эпизод 18.

Приемная в управлении министерства госбезопасности. День.

Они заходят в приемную майора госбезопасности Лежавы.

В приемной сидит секретарь в форме.

Соболев.

К майору Лежаве. Назначено.

Секретарь.

Проходите. Нет-нет, только товарищ полковник.

Иваницкий.

(возмущенно).

Меня тоже вызывали! Скажите Вахтангу...

Секретарь.

(официально).

Подождите. Вас пригласят.

Иваницкий садится на стул, демонстративно ждет.

Эпизод 19.

Кабинет Лежавы. День.

Майор Лежава, одетый в штатское, сидит за письменным столом. Перед ним разложены фотографии девушек. Лежава раскладывает из них нечто вроде пасьянса.

Входит Соболев.

Соболев.

Здравия желаю, товарищ майор.

Лежава.

Заходи, полковник! Сыру хочешь?

Соболев.

Какого сыру?

Лежава.

Швейцарского. Бери, пока дают...

Лежава нагибается, вытаскивает из-под стола подносик, на котором стоит графинчик коньяка, две рюмки и тарелочка с нарезанным сыром.

Разливает коньяк в рюмки.

Лежава.

За успех нашей общей операции. Москва в курсе.

(Чокается). Хозяин следит лично!

Соболев.

(мнетя, указывает на дверь).

Там Георгий...

Лежава.

Пей, пей! Я знаю, что там Георгий. Георгию свое время.

Смотри, какие девчата! Любо-дорого! Все райкомы комсомола перерыли.

Выбрали двоих. Вот...

(Бросает на стол перед Соболевым две девичьи фотографии).

Марина Ветлицкая, двадцать два года, из рабочих...

Вера Румянцева, студентка, девятнадцать лет. Отец погиб на фронте, мать – научный работник, есть старшая сестра, в госпитале санитаркой работает... Вот их личные дела. Ну, как? Берем?

Соболев.

(хмуро).

Как скажете.

Лежава.

А чего хмуришься? Смотри, какие девушки! Настоящие героини! А ты хмуришься.

Не нравятся – скажи. Подберем других. Хотя этих подбирали очень ответственно. Очень!

Соболев.

А парней нельзя подобрать? С парнями проще.

Лежава.

Нам не надо – проще. Нам надо, чтобы красиво было. Бери, говорю!

Соболев.

Хорошо.

Лежава.

Вот и договорились!

(Нажимает кнопку звонка, показывается секретарь).

Зови писателя!

Эпизод 20.

Квартира Иваницкого. Вечер.

Иваницкий приносит из кухни чай на подносе. Два кусочка хлеба и два кусочка сахара. Соболев сидит за столом, принимает чай.

Иваницкий.

Ну, согласись, что я обслуживаю тебя лучше, чем Надюша.

Соболев.

(улыбаясь).

Лучше, дядюшка. Надюшу я сам обслуживаю.

Иваницкий.

Потому что распустил. Баб распускать нельзя.

(Достаёт графинчик водкой). Выпьём?

Соболев.

Давай.

Иваницкий.

(наливает).

Это дело надо отметить. Большое дело!

Соболев.

Хоть сказал бы. Я как дурак. Дело делаю, а зачем – не знаю.

Иваницкий.

Всему свое время. Не имею права, Коленька. Государственная тайна.

(Чокается, выпивает). Да тебе же и спокойнее. Не знать.

Соболев.

Это уж точно. Лучше не знать, что там творится, в органах.

Иваницкий.

Об органах либо хорошее, либо ничего, Николая.

Соболев.

Как о покойниках.

Иваницкий.

(хватается за рот).

Господь с тобой! Вот глупость сморозил!

Эпизод 21.

Райком партии. День.

В зале райкома с бюстами вождей и лозунгами на стенах проходят занятия народных ополченцев, в основном, девушек. Девушки занимаются санитарной подготовкой, с увлечением накладывая друг другу повязки.

В центре зала две девушки накладывают повязку на голову бюста Сергея Мироновича Кирова.

Входят Алексей в форме лейтенанта и секретарь райкома Кизилова – крепкая молодая женщина в гимнастерке без погон и в юбке.

Губин.

Вы уверены, что бюст используется по назначению? После вражеской пули, выпущенной в товарища Кирова, эти перевязки выглядят как насмешка... Прекратить!

Кизилова.

Точно! Это как мертвому припарки.. То есть не так... Я не так хотела сказать...

(Кричит девушкам). Поставьте на место голову товарища Кирова!

Губин.

Где Румянцева?

Кизилова.

Румянцева! Вера, иди сюда.

Вера Румянцева подходит.

Вера.

Товарищ секретарь райкома, ополченка Румянцева...

Кизилова.

Хорошо, молодец! Товарищ лейтенант хочет с тобой поговорить.

Губин.

(козыряет).

Алексей Губин.

Вера.

(протягивает ему руку).

Вера Румянцева.

Губин.

(не отпускает руки).

Вижу глаза храброй девушки.

Вера.

Скажете...

Губин.

Стреляешь хорошо?

Вера.

Ворошиловский стрелок.

Губин.

В разведшколу пойдешь?

Вера.

А что надо делать?

Губин.

Все, что прикажут. Взрывать, передавать сведения... Но сначала учиться...

(Тихо, на ухо Вере). Парень есть?

Вера.

Чего?

Губин.

Ухажер есть?

Вера.

А зачем? Для разведшколы? Если нужно...

Губин.

Нет, не нужно. Будет нужно – скажу.

Эпизод 22.

Лестница в доме Румянцевых. Вечер.

Вера с трудом, цепляясь за перила, поднимается в свою квартиру по лестнице с намерзшей на ней водой.

Эпизод 23.

Коридор квартиры Румянцевых. Вечер.

В темном коридоре Вера сталкивается с соседкой Анной Никитичной. Поверх пальто она завернута в одеяла и платки. В руках держит игрушечного попугая-погремушку.

Она трясет его и прислушивалась к шороху перекатывающихся зерен.

Соседка.

Ты кто? Вера или Ника?

Вера.

Я Вера, Анна Никитична.

Соседка.

Слышишь, Вера, там что-то перекатывается... Горох там, не иначе. Как думаешь?

Вера.

Вы вскройте и посмотрите, Анна Никитична.

Соседка.

Нельзя... Сейчас нельзя. Олег Николаевич даже не знает. Я выхожу и слушаю эти зерна в коридоре. А у него, знаете, какой слух. На Новый год я вот так погремлю, Олег Николаевич удивится, потом сварим суп из этого гороха, потом Олег Николаевич поиграет. Вот он совсем худой, ну совсем,

а сила в руках есть... Это удивительно.

Вера.

(дергает закрытую дверь).

А где мама?

Соседка.

Клавдия Петровна последние дни не приходит. Ваш ключ лежит здесь. А я стою и переживаю. Думаю, зайдете, а ее нет. Извините, ради Бога.

Вера.

Кого нет, Анна Никитична?

Соседка.

Я табуретку вашу сожгла.

Из-за двери слышится возглас: „Мама!“.

Вера.

Я поздороваюсь с Олегом Николаевичем и пойду. Хорошо?

Эпизод 24.

Комната соседей. Вечер.

Вера входит в большую комнату, в которой все, что было из дерева, уже сожжено. Остается только черный рояль. Он со всех сторон обложен одеялами, тряпками. У рояля сидит человек-птица, обложенный пуховыми подушками. Это сын соседки Олег Николаевич.

Олег Николаевич.

Верочка! Вам очень идет военная форма.

Вера.

Здравствуйте, Олег Николаевич. Как всегда, вы не ошиблись.

Олег Николаевич.

Заметьте, я вас с Никой никогда не путаю. Даже ваша мама иногда ошибается, а я нет.

Он вдруг неожиданно сильно ударяет по клавишам. Рояль издает чистый звук.

Олег Николаевич.

Слышите, какой звук. Звук не материален, звук – это божественное.

Олег Николаевич закрывает глаза, звучит музыка.

Эпизод 25.

Комната Румянцевых. Вечер.

В коридоре Вера нащупывает ключ и открывает дверь комнаты. Выдвигает ящик комода, кладет в карман шинели ножницы. Один из стульев Вера выносит в коридор. Подумав, берет второй стул. Слышится музыка рояля.

Эпизод 26.

Кабинет Соболева. Вечер.

Соболев говорит по телефону.

Соболев.

...А я не понимаю! Я не понимаю, зачем приказывать кур-
санткам отрезать косы!

И как это повлияет на операцию! Не понимаю, товарищ
майор.

У нас военная разведка, а не мадридский двор с его тай-
нами...

(Пауза. Понизив голос). Это понятно. Слушаюсь, товарищ
майор... Так точно. Все понял.

В сердцах швыряет трубку на рычажки.

Эпизод 27.

Квартира Иваницкого. Поздний вечер.

Соболев отворяет дверь в кабинет писателя. Он слегка пьян.

Иваницкий сидит за пишущей машинкой.

При виде племянника суетится, прячет исписанные на машинке листы.

Соболев замечает это.

Соболев.

Конспиратор, мать твою... Слушай, дядя Жора, мне это надоело.

Ты играешь с органами в какую-то игру, втянул меня, корчишь важный вид...

Я вам не мальчик! Я боевой офицер! У меня награды.

Что мне говорить подчиненным? Куда мы готовим этих девок? В ставку Гитлера?

Почему такая дурацкая конспирация? Приказано отрезать косу. Зачем?!

Иваницкий.

(очень тихо, показывая на своей шее).

Затем, чтобы легче было повесить. И разглядеть рубец от веревки. Вот здесь.

Соболев.

Что ты сказал?

Иваницкий.

Правды хочешь? Получай. Но только пеняй на себя.

Соболев.

Что ты мелешь, дядюшка? Кто их собирается вешать? Уж не ты ли?

Иваницкий.

Я, я.

Соболев.

Кончай свои шуточки.

Иваницкий.

Ты действительно хочешь знать?

Соболев.

(уже неуверенно).

Хочу, конечно.

Иваницкий.

То, что я тебе скажу, племянничек, составляет не просто государственную тайну. Это вечная государственная тайна. Она никогда не будет раскрыта, а те, кто владеют ею, подвергают себя величайшей опасности. Но тебе как родственнику скажу. Девушку повесят. Казнят.

Соболев.

Кто?

Иваницкий.

Немцы, конечно. Она будет направлена в тыл, в только что

оставленную деревню, там ее схватят, староста Чалый постарается... Потом публично казнят за диверсию.

Соболев.

Но зачем это нам?

Иваницкий.

Вот в том-то и вопрос! Ради победы. Ради нашего общего дела.

На следующий день мы выьем немцев из деревни и увидим ее.

Героиню. В петле. Я напишу об этом, народ узнает. И месть, месть, месть!

Соболев.

Ты знаешь, я никогда не любил инсценировок.

Иваницкий.

Это не инсценировка. Не согласен. Это обеспечение исторической достоверности. Ты сейчас готовишь то, о чем потом будут слагать песни, рассказывать легенды, писать книги. Я и буду их писать. Врать нельзя. Главное – историческая достоверность. И если хочешь знать, это все придумал я! Я, а не Лежава. У него не хватило бы на это воображения.

Соболев.

Не надо так об органах...

Иваницкий.

Не подлавливай меня, Николая... У меня авторитет.

Соболев.

А по-моему, омерзительно театрально. И девушек жалко.

Иваницкий.

Театральность мифу не помеха. Наоборот. Возьми подвиг естественный. Натуральный, так сказать. В нем всегда есть что-то подозрительное. Потому что герой спешит, он в аффекте, ему некогда продумывать мелочи. Помнишь матроса Кошку в севастопольской кампании? Он схватил готовое взорваться ядро с горящим фитилем и бросил – куда?

Соболев.

В кашу.

Иваницкий.

Правильно, в кашу... Нам бы ту кашу! Апропо... Получилось героично, но комично.

Подвиг – и какая-то каша! А если бы Кошку готовили органы, они наверняка поставили бы там бочку с водой. Все-таки не каша!

Что же касается девушек... Все равно умрут. Или погибнут. Так лучше со славой!

Соболев.

Но я не хочу в этом участвовать! Меня спросили?!

Иваницкий.

Нет. Тебя не спросили. И не спросят. Тебе прикажут.

Соболев.

Ну ладно. Пропагандистская акция. Допустим. Но все не так нужно делать.

Иваницкий.

Это вечное твое состояние – не так, не так... Ты и в детстве всегда твердил „не так“! А как? Так до сих пор никто не услышал. И вообще, ты взвинчен...

А знаешь, почему? Бабы давно не было!

Соболев.

Перестань!.. А скажи, Георгий... Вот ты много писал о стахановцах, челюскинцах....

Тогда тоже... готовили?

Иваницкий.

(любуется им).

За что я тебя люблю, Николая, так это за наивность. А девушки очень хорошие.

Ох, если б не героинь из них готовить... Смотри, чтобы твои лейтенанты их не испортили!

Эпизод 28.

Улица города. День.

Из крана, торчащего из стены, стекает по ледяной горе вода.

Женщины и старики с ведрами, чайниками, графинами толкаются у основания этой горы. Это напоминает штурм. Редко кому удается добраться до вершины и подставить под кран ведро. Люди скользят, хватают других, падают, скатываются вниз. Подо льдом видны вмерзшие котелки, ведра и люди.

Они падали, их заливало водой. Они умирали. Другие шли по ним дальше.

Среди штурмующих ледяную гору – мать Веры Клавдия Петровна Румянцева с ведром.

Вера помогает ей.

Клавдия Петровна скатывается с горы, падает, Вера поднимает ее.

Клавдия Петровна.

Ну вот. Уйдешь в разведшколу, как я воды наберу?

Вера.

Ну, мамочка! Не терзай меня. Я хочу быть разведчицей.

Клавдия Петровна.

Я, положим, справлюсь. Люди помогут. А ты? Это же опасно...

Вера.

Война – это вообще опасно. Посмотри!

(Показывает на вмерзшую в лед старуху).

Клавдия Петровна.

(понижив голос).

Знаешь, как их называют? „Подснежники“...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.